

Глава 7

Путешественник в Париже

Как и сегодня, в 1717 году Париж был столицей Франции, тем центром, вокруг которого вращалась вся жизнь в стране. При этом Париж с его полумиллионным населением был лишь третьим по величине городом в Европе. И Лондон с 750 000 жителей, и Амстердам с 600 000 его превосходили. А в пропорции к общей численности населения страны Париж казался еще меньше: в Британии один человек из десяти был лондонцем, каждый пятый голландец был жителем Амстердама, но лишь один француз из сорока жил в Париже.

Тем, кто знает теперешний Париж, в 1717 году он показался бы совсем маленьким. Большие дворцы и площади, расположенные ныне в центре Парижа – Тюильри, Люксембургский дворец, Вандомская площадь, Дом инвалидов, – в то время находились на окраинах. За Монпарнасом простирались поля и пастбища. Тюильри сквозь свои великолепные сады смотрел на неосвоенную часть Елисейских полей, поднимавшихся к лесистому холму, на котором теперь стоит Триумфальная арка. Единственная дорога в северном направлении шла через луга и взбегала на гребень Монмартра.

Сердцем города была Сена. Ее еще не стискивали нынешние гранитные набережные, и женщины стирали белье вдоль илистых берегов, не обращая внимания ни на вонь, шедшую от бойни, ни на отходы кожевенных заводов, стекавшие прямо в реку. Петляя по городу, река протекала под пятью мостами. Построенные последними величественный Королевский мост и Новый мост были ограничены по краям только решеткой, но вдоль остальных тянулись четырех-пятиэтажные постройки. Париж широких, обсаженных деревьями бульваров еще не существовал. В 1717 году город представлял собой путаницу узких улочек, застроенных домами в четыре-пять этажей, с островерхими крышами. Башни-близнецы Нотр-Дама возвышались над городом, но полюбоваться прославленным фасадом собора было невозможно – на месте нынешней площади перед ним разбегались густо облепленные домами крохотные улочки. Людовик XIV стал постепенно менять облик средневекового города. В начале своего царствования он велел снести городские укрепления и проложить на месте стен бульвары, обсаженные деревьями. Когда Король-Солнце взшел на трон, в Париже была только одна большая площадь – Королевская (ныне площадь Вогезов). За годы своей власти он добавил к ней площадь Побед, Вандомскую площадь, гигантский собор и эспланаду Дома инвалидов.

Каждая часть города имела свою специфику. В Маре тянулась аристократия и высшая буржуазия. Богатые банкиры строились в другом конце города, возле новой Вандомской площади. Иностранцы и иностранные посольства предпочитали кварталы вокруг церкви Сен-Жермен-де-Пре, где улицы были пошире, а воздух, как говорили, почище. Да и путешественникам рекомендовали лучшие гостиницы неподалеку от Сен-Жермен-де-Пре, хотя приезжий мог найти себе комнату и в частном доме; даже высшая аристократия сдавала верхние этажи, если гость готов был раскошиться. Латинский квартал тогда, как и сейчас, принадлежал студентам.

Целыми днями парижский люд кишел на улицах. Пешеходы подвергались постоянной опасности со стороны верховых, карет и телег, которые едва протискивались по узким проездам, забитым людьми. Грохот колес с железными ободами и крики толпы просто оглушали. Кошмарная вонь поднималась от экскрементов, которые выплескивали прямо из окон, от навозных куч и из тех дворов, где мясники забивали животных. Каждый день на улицах разбрасывали свежую солому, чтобы колеса не так грохотали и город выглядел хоть чуточку опрятнее, а потом грязную солому сметали и топили в реку. Во избежание опасностей и неудобств, подстерегавших пешеходов, те, кто мог себе это позволить, держали собственные кареты или нанимали экипажи кто на день, кто на месяц. Другие довольствовались закрытыми портшезами, которые несли двое носильщиков.

На Новом мосту и на площади Дофина, что на оконечности острова Сите, сновали бродячие торговцы, знахари, кукольники, клоуны на ходулях, уличные певцы и попрошайки.

У дверей фешенебельных гостиниц ошивались карманники в ожидании не чающих беды иностранцев. Легко здесь было найти доступных женщин. Самые желанные из них, девицы из оперы и комедии, обыкновенно предназначались для французской знати; на улицах толпами фланировали проститутки. Впрочем, путешественников предупреждали, что, заводя здесь уличные знакомства, они рискуют своим здоровьем, а то и жизнью.

Вечерами на улицах было сравнительно безопасно, примерно до полуночи. В 1717 году Париж был самым освещенным городом Европы, над его улицами висело 6500 свечных фонарей. Тонкие сальные свечи меняли каждый день на новые, с наступлением темноты их зажигали, и тогда вокруг распространялся тусклый свет. Но к полуночи, когда свечи истаявали одна за другой, город погружался во тьму, и все, кто хотел дожить до утра, уже сидели по домам.

Опера и комедия всегда были переполнены. Мольер все еще оставался любимцем, но публика желала видеть и пьесы Расина, Корнеля, новомодного Мариво. После театра отправлялись в кафе и кабаре, открытые до 10–11 часов вечера. Высшее общество облюбовало сотни три новых кафе, лепившихся поблизости от Сен-Жермен-де-Пре или в предместье Сент-Оноре, где можно было выпить чаю, кофе или шоколада. Для многих лучшим развлечением служила прогулка в парке или в саду. Элегантные любители прогулок прохаживались по Кур-ля-Рен – длинной дорожке вдоль правого берега Сены, тянувшейся от Тюильри вниз по реке до нынешней площади Альма. Эта обсаженная цветами дорожка была так популярна, что вдоль нее расставили факелы и фонари и тем продлили излюбленное удовольствие фланеров до позднего вечера. Были и другие сады, открытые для публики, – сад Пале-Рояля, Люксембургский сад, Королевский сад, ныне известный как Ботанический.

Как и в наши дни, самым знаменитым садом Парижа был Тюильри. Там после обеда и вечерами можно было встретить на прогулке знатнейших людей королевства и даже регента собственной персоной. Позади Тюильри расстилались Елисейские поля, вдоль которых тянулись симметричные ряды деревьев. Здесь катались верхом или, открыв окна карет, наслаждались свежим воздухом. Еще дальше на запад, за деревней Пасси, зеленел Булонский лес, позднее превратившийся в парк. Здесь в изобилии водились олени, на которых забавы ради охотились всадники с собаками, и здесь же в теплые воскресные и праздничные дни парижане любили перекусить на свежем воздухе или просто вздремнуть на травке. Этот лес служил еще прибежищем влюбленных, скрывавшихся за шторами карет, пока кучер невозмутимо восседал на своем месте, отпустив вожжи, а лошади мирно щипали траву.

Когда маленький король покинул Версаль и переехал в Париж, за ним последовала почти вся аристократия. Знать принялась строить или обновлять свои особняки в модном районе Маре на восточной окраине города или на противоположном берегу реки, в предместье Сент-Оноре. ОТЕЛЬ ЛЕДИГЬЕР, в котором Петр прожил в Париже шесть недель, был одним из красивейших особняков Маре с садом во весь квартал⁸. Стена сада, к которой примыкало множество сараев и конюшен, выходила на улицу Сент-Антуан, а позади него лежал Серизе – королевский вишневый сад, где аккуратными рядами росли прелестные деревца.

Рядом с особняком стояла Бастилия, и все ее восемь тонких серых башен возвышались прямо над садовой стеной. Прогуливаясь, царь мог поднять глаза и увидеть легендарную цитадель. Надо сказать, что эта крепость XIV века – единственная из всех твердынь Франции – оказалась несправедливейшим образом оклеветана. Ее часто изображают как нечто огромное и мрачное – чудовищный символ деспотизма французской монархии. В действительности же она была не такой уж большой, всего семьдесят ярдов в длину и

⁸ Многие из прекрасных особняков Маре целы до сих пор, но ОТЕЛЬ ЛЕДИГЬЕР исчез. В 1866 г. прилегающая к нему территория была рассечена надвое, когда инженер барон Жорж Осман, прокладывая широкие парижские бульвары по приказу Наполеона III, провел бульвар Генриха IV через сад этого особняка. После этого здание просуществовало всего несколько лет, и в 1877 г. его снесли. Сегодня о приезде Петра напоминает лишь мемориальная табличка на доме 10 по улице Серизе. А через улицу, в доме 11, который стоял и при Петре, автор этой книги прожил три года, пока он работал над ней.

тридцать в ширину, хотя с виду казалась несколько больше из-за окружавшего ее рва с подъемными мостами и примыкающего к ней двора, окаймленного караульными помещениями. Радостные толпы французов, каждый год празднующие День взятия Бастилии, которая была разрушена разъяренной чернью 14 июля 1789 года, воображают ее страшной темницей, где тиран измывался над страдающим народом. В этом образе нет ничего общего с правдой. Бастилия была самой роскошной тюрьмой на свете. Попасть в нее отнюдь не считалось позором. За редким исключением, ее обитателями были аристократы и дворяне, с которыми здесь и обращались согласно их рангу. Король мог распорядиться посадить в Бастилию непослушного вельможу и держать его там до тех пор, пока тот не одумается или не смягчится сердце короля. Отцы посылали на несколько месяцев в Бастилию непокорных сыновей, чтобы поостыло их безрассудство. Камеры обставлялись, отапливались и освещались сообразно средствам и вкусам узников. Разрешалось держать слугу, приглашать гостей к обеду – кардинал де Роган однажды дал в Бастилии банкет на двадцать человек. За камеры поудобнее шло настоящее соперничество. Те, что размещались в башнях наверху, считались наихудшими – летом в них было жарко, а зимой холодно. От пленников ничего не требовалось. Можно было играть на гитаре, читать стихи, упражнять свои силы в комендантском саду и составлять меню, чтобы порадовать своих гостей.

Сколько знаменитых людей побывало в Бастилии! Самый таинственный узник – человек по прозвищу Железная Маска – фантазией Александра Дюма был превращен в брата-близнеца Людовика XIV. Как и большинство историй о Бастилии, эта легенда во многом плод воображения: знаменитая маска была не из железа, а из черного бархата, хотя, действительно, даже сам комендант Бастилии не смел заглянуть под нее, и пленник, так и оставшийся безымянным, умер в 1703 году. В те недели, что Петр провел в Париже, в Бастилии сидел еще один знаменитый француз, – возможно, этот узник видел из башенного окна, как царь гуляет между деревьями в саду Отеля Ледигьер. Это был двадцатитрехлетний Франсуа Мари Аруэ, начинающий сочинитель язвительных эпиграмм, чьи полные двусмысленных намеков стихи о регенте и его дочери, герцогине Беррийской, внушили герою стихов мысль посадить их автора под арест. Через сорок лет, уже под именем Вольтер, этот узник напишет «Историю Российской империи при Петре Великом».

* * *

Прежде чем отправиться в Париж, Петр составил список всего, что ему хотелось посмотреть, – список получился длинным. Как только завершились приветственные церемонии, он попросил регента, чтобы весь протокол был отменен. Царь хотел располагать свободой и ходить, куда ему вздумается. Регент согласился при условии, что царя всегда будет сопровождать маршал Тессе или еще кто-нибудь из придворных и что Петр не будет выходить из дома без охраны из восьмерых солдат королевской гвардии.

Осмотр города Петр начал 12 мая: встав в 4 часа утра, он на рассвете отправился по улице Сент-Антуан на Королевскую площадь и там любовался, как солнце отражается в больших окнах дворца, выходящих на королевский плац-парад. В тот же день царь осмотрел площадь Побед и Вандомскую площадь. На завтра он перешел на левый берег Сены и побывал в обсерватории, на мануфактуре Гобеленов, знаменитой на весь мир своими шпалерами, и в Королевском (Ботаническом) саду, где было представлено свыше 2500 видов растений. В последующие дни Петр посещал различные ремесленные мастерские, где все разглядывал и обо всем расспрашивал. Однажды в шесть утра он явился в Большую галерею Лувра, и там маршал Виллар показал ему гигантские макеты крепостей Вобана, которые стерегли рубежи Франции⁹. Выйдя из Лувра, царь отправился на прогулку в сад Тюильри,

⁹ Эти поразительные, точнейшие макеты, созданные по приказу Людовика XIV, изображали, помимо самих укреплений, окружающие их горы, реки, городские кварталы и были поистине гигантскими – некоторые достигали площади в 900 кв. футов. Ради сохранения военных секретов их держали под охраной в Большой галерее Лувра до 1777 г., а потом перевезли на верхний этаж Дома инвалидов. Тут они и стоят вот уже 200 лет,

откуда попросили удалиться обычных посетителей.

Несколько дней спустя Петр осмотрел обширный госпиталь и казармы инвалидов, где получили кров и уход 4000 солдат, пострадавших в боях за Францию. Царь отведаль солдатского супа и вина, выпил за здоровье инвалидов, похлопывал их по спинам и называл своими «камрадами». Его восхитил прославленный купол недавно достроенного Собора инвалидов, который возвышался на 345 футов и считался величайшей диковиной в Париже. Искал Петр и встреч с необыкновенными людьми. Он познакомился с князем Ракоци, предводителем венгерского восстания против Габсбургов, – некогда Петр намеревался сделать его польским королем. Он отобедал с маршалом д'Эстре¹⁰, который однажды зашел за царем в восемь утра и проговорил с ним весь день о французском флоте. Он посетил дом почт-директора, собирателя всяческих редкостей и изобретений. Целое утро царь провел на монетном дворе и наблюдал, как чеканят новую золотую монету. Одну только что сделанную монету еще теплой положили в руку царя, и он с удивлением увидел на ней свое собственное изображение и надпись «Petrus Alexievitz, Tzar, Mag. Russ. Imperat». Петра торжественно принимали в Сорбонне, где группа католических богословов представила ему проект воссоединения Восточной и Западной церквей (этот план Петр взял домой в Россию и приказал русским церковникам изучить его и высказать свое мнение). Он посетил Академию наук, а 22 декабря 1717 года, через полгода после его отъезда из Парижа, царя официально избрали членом Академии.

Парижане теперь часто видели царя, и это давало пищу для множества рассказов и впечатлений.

«Это был очень высокий человек, – писал Сен-Симон, – хорошо сложенный, довольно худой, с округлым лицом; у него широкий лоб, красивые, четко очерченные брови, нос короткий, хотя не слишком, книзу широковатый. Губы довольно полные, лицо румяно-смуглое и красивые черные глаза – большие, живые, пронизательные и широко посаженные. При желании он мог выглядеть величественно и изысканно, но в иное время вид его бывал суров и даже свиреп. Улыбка у него была нервная, судорожная, и хотя появлялась она нечасто, искажала все его лицо и весь облик, внушая страх. Она возникала на одно мгновение и сопровождалась диким и ужасным взглядом – и тут же исчезала. Весь его вид говорил о разуме, глубокомыслии и величии, но не лишен был и известного изыщества. Он носил только полотняные воротники, коричневый парик без пудры, не доходивший ему до плеч, узкий простой коричневый камзол с золотыми пуговицами, жилет, штаны, чулки, но не признавал ни перчаток, ни манжет. На камзоле он носил звезду своего ордена на ленте. Камзол был часто не застегнут, а шляпа всегда красовалась где-нибудь на столе, а не у него на голове, даже когда он выходил из дома. Но при всей его простоте, в сколь бы скверной карете или компании он ни появился, нельзя было не почувствовать природной его величавости».

Петр носился повсюду очертя голову, и только когда его свалил приступ лихорадки и пришлось отложить обед с регентом, царь немного сбавил темп. Несчастный маршал Тессе и восемь французов-телохранителей из всех сил старались поспеть за царем, но это не всегда удавалось. Любознательность и стремительность Петра в сочетании с пренебрежением к царскому величию поражали французов. Каждый его поступок был непредсказуем. Он желал свободно и без всяких церемоний передвигаться по городу, а поэтому часто брал наемный экипаж или даже простого извозчика, вместо того чтобы дожидаться предоставленной ему королевской кареты. Не раз случалось, что француз-посетитель, приехавший к кому-нибудь из русских гостей в Отель Ледигьер, по выходе оттуда не находил своей кареты. Это царь, стремительно выбежав из дому, вскакивал в первую попавшуюся карету и преспокойно уезжал. Так он нередко удирали от маршала де Тессе с его солдатами.

и всякий, кто не поленился подняться по лестнице, может и сегодня их увидеть.

¹⁰ Маршал герцог Ман д'Эстре умер в 1707 г. – *Примеч. ред.*

Вертон, один из королевских метрдотелей в Отеле Ледигьер, приставленный следить за кухней и столом, старался как можно лучше кормить царя и его русских спутников. Вертон был человек храбрый, веселый, хладнокровный, так что скоро и Петр, и вся компания его полюбили. Через Вертона и других просачивались рассказы о том, что происходило за русским столом во французской столице. В частности, Сен-Симон писал: «Невероятно, сколько он [Петр] съедал и выпивал, садясь за стол дважды в день, не говоря о том, сколько он поглощал пива, лимонада и прочих напитков в промежутке. Что до его свиты, то они пили еще больше: после еды каждый опустошал по крайней мере бутылку-другую пива, а иногда еще и вина и крепких напитков. И так всякий раз. Ел он в одиннадцать утра и в восемь вечера».

Отношения с регентом у Петра установились отличные, отчасти потому что Филипп сам забавлялся, стараясь угодить царю. Однажды вечером они вдвоем отправились в оперу и уселись в переднем ряду королевской ложи на виду у всего зрительного зала. Во время представления Петр почувствовал жажду и попросил пива. Когда принесли большой бокал на маленьком подносе, регент встал и самолично поднес его Петру. Петр принял бокал с улыбкой и легким поклоном, выпил пиво и поставил бокал назад на поднос. Тогда Филипп, все еще стоя, положил салфетку на тарелку и протянул ее Петру. Тот, по-прежнему сидя, вытер ею рот и усы и положил назад. Все представление завороченные зрители следили за тем, как регент Франции изображает слугу. В четвертом акте Петру это надоело, и он покинул ложу, решив отправиться поужинать, причем отклонил предложение Филиппа сопровождать его и настоял, чтобы тот досмотрел спектакль до конца.

Царя всюду встречали почтительно. Большинство членов королевской семьи и высшей аристократии были взбудоражены тем, что среди них находится русский царь, и непременно хотели с ним познакомиться. Среди них была тогдашняя «первая леди» Франции, «мадам», матушка регента – внушительная шестидесятипятилетняя сплетница родом из Германии¹¹. Как-то раз регент привез к ней Петра, после того как показывал ему дворец и сады в Сен-Клу, и дама была очарована. «Сегодня у меня был великий посетитель, мой герой – царь, – писала она. – Я нахожу, что у него очень хорошие манеры... и он лишен всякого притворства. Он весьма рассудителен. Он говорит на скверном немецком, но при этом объясняется без затруднений и скованности. Он вежлив со всеми, и здесь его очень любят».

Не желая отставать от своей бабки, скандально знаменитая дочь регента, герцогиня Беррийская, послала Петру поклон и осведомилась, не посетит ли он и ее, Петр согласился и побывал в Люксембургском дворце, а потом прогулялся по Люксембургскому саду. Но пререкания по поводу этикета помешали ему повидать некоторых из знатнейших дам Парижа. Несколько принцев крови выразили желание посетить Петра, если он заранее пообещает отдать визиты и познакомиться с их женами. Петр нашел это требование мелочным и нелепым и просто отказался. Его всегда влекло к тем, кто имел иные достоинства, кроме знатного происхождения.

24 мая, через две недели после посещения Тюильри, Петр снова явился с визитом к королю. Он приехал рано, когда мальчик еще спал, и маршал Виллеруа повел царя смотреть сокровища французской короны. Изобилием и красотой они превзошли ожидания Петра, хоть он и сказал Виллеруа, что плохо разбирается в драгоценностях и вообще не слишком интересуется бесполезными предметами, как бы красивы или дороги они ни были. В апартаментах маршала Виллеруа его и застал король. Так и было задумано – чтобы их встреча не носила формального характера, а произошла как бы случайно. Увидев Петра в кабинете, король протянул царю свиток бумаги и сказал, что это карта его владений. Учтивость Людовика очаровала Петра, который обходился с мальчиком, искусно сочетая ласку с почтительностью.

Виллеруа писал мадам де Ментенон: «Я не в силах выразить, с каким достоинством, изяществом и учтивостью король принял царя. Но я должен вам сказать, что этот монарх,

¹¹ Шарлотта Елизавета, принцесса Пфальцская. – *Примеч. ред.*

которого называют варваром, вовсе не таков. Он проявил великодушие и благородство, которых мы в нем никак не ожидали».

В тот вечер Петр направлялся в Версаль, где для него были приготовлены королевские апартаменты. Его русские спутники, поселившиеся в комнатах поблизости, прихватили с собой из Парижа целый цветник молодых веселых особ, которых поместили в бывших покоях благочестивой мадам де Ментенон. Как сообщал Сен-Симон, «Блуэн, комендант Версаля, был крайне шокирован подобным осквернением этого храма добродетели».

Утром царь поднялся рано. Приставленный к нему в Версале герцог д'Антен, придя за ним, обнаружил, что царь успел прогуляться среди подстриженных изгородей и причудливых цветников дворцового сада и уже катается в лодке по Большому каналу. В этот день Петр осмотрел весь Версаль, не обойдя вниманием ни знаменитых фонтанов, гордости Короля-Солнце, ни розово-мраморного Трианона. По поводу самого версальского дворца с его маленьким центральным шато Людовика XIII и мощными крыльями, пристроенными Людовиком XIV, Петр заметил, что это похоже на «голубя с орлиными крыльями». Из Версаля он вернулся в Париж как раз вовремя, чтобы на следующее утро увидеть процессию по случаю Троицына дня. Тессе повел царя в Нотр-Дам, где Петр, устроившись под большими розетками соборных окон, присутствовал на мессе, которую отслужил кардинал де Ноайль.

Визит в Фонтенбло, еще один великолепный королевский дворец под Парижем, был менее удачен. Принимавший царя граф Тулузский, один из многочисленных признанных Людовиком внебрачных детей от мадам де Монтеспан, уговорил гостя поохотиться на оленя. Для родовитых французов не было более благородного развлечения на свежем воздухе. Они носились по лесам со шпагами или копьями, на полном скаку перемахивали через поваленные деревья и ручьи, подгоняемые звуками собачьего лая и охотничьих рогов, пока загнанный олень, волк или вепрь не оборачивался к преследователям и в кровавой схватке не падал бездыханным среди мхов и папоротников лесной чащи. Петр не имел ни склонности к подобному времяпрепровождению, ни привычки скакать сломя голову, так что он насилу вынес все это и чуть не свалился с лошади. Он вернулся в замок рассерженным и пристыженным, и ругался, что охоты этой не понимает, не любит и находит ее слишком жестокой. Он отказался обедать с графом, ограничившись лишь обществом троих русских сотрапезников из числа своей свиты, и скоро уехал из Фонтенбло.

Возвращаясь в Париж по Сене, Петр скользил в лодке мимо очаровательного замка Шуази, и вдруг вздумал посетить его. Здесь случай свел его с хозяйкой замка, принцессой Конти, это была одна из тех принцесс крови, которым этикет воспрепятствовал познакомиться с царем раньше. Доплыв до Парижа, Петр, довольный, что снова оказался на воде, вместо того чтобы высадиться на восточной окраине города и отправиться прямо в Отель Ледигьер, велел гребцам следовать дальше вниз по течению и пройти под всеми пятью парижскими мостами.

3 июня Петр снова приехал в Версаль, ночевал в Трианоне, а потом провел несколько ночей в Марли, загородном павильоне, который Людовик XIV построил, чтобы время от времени прятаться там от тягостной версальской церемонности. Оттуда Петр съездил в Сен-Сир, чтобы навестить вдову Людовика XIV, мадам де Ментенон, в основанном ею монастыре, куда она удалилась после смерти короля. Все удивились, когда царь выразил желание повидать ее. «Она достойна нашего внимания, – пояснил он. – Она оказала большие услуги королю и стране».

Престарелая дама была, конечно же, страшно польщена, узнав, что ее хочет посетить человек, о котором говорит весь Париж. «Мне кажется, что царь... очень возвышенный человек, если осведомился обо мне», – написала она накануне его визита. Дабы скрыть свой возраст и предстать в самом выгодном свете, она приняла царя в сумерках, сидя в постели, задернув все шторы, кроме одной, пропускавшей узкий луч света. Войдя в комнату, Петр направился прямо к окнам и решительно раздвинул шторы, безжалостно осветив всю комнату. Потом, отдернув и занавески балдахина над кроватью старой дамы, уселся в ее

ногах и молча посмотрел на нее. Как свидетельствует Сен-Симон (который не был очевидцем этой сцены), обоюдное молчание тянулось до тех пор, пока Петр не встал и не вышел. «Понимаю, до какой степени она, вероятно, была поражена, более того – унижена, но Короля-Солнце больше нет», – отозвался о происшедшем Сен-Симон. Одна из сестер-монашек описала этот эпизод в смягченных тонах. Согласно ее версии, Петр спросил мадам де Ментенон, какой недуг ее гложет. «Старость», – был ответ. Затем она поинтересовалась, что привело его к ней. «Я приехал, чтобы увидеть все, что есть во Франции замечательного», – ответил царь. При этих словах, гласит рассказ монашки, ее лицо озарилось лучом былой красоты.

Сен-Симон своими глазами увидел царя лишь в самом конце его пребывания в Париже: «Я вошел в сад, где гулял царь. Маршал Тессе, издали заметив меня, подошел с намерением меня представить. Я упросил его не делать этого и не обращать на меня внимания в присутствии царя, так как хотел спокойно понаблюдать за ним... и хорошенько его разглядеть, что мне не удалось бы, если бы нас познакомили... Приняв эти предосторожности, я всласть удовлетворил свое любопытство. Мне показалось, что он довольно любезен, но держится так, как будто он везде и всюду хозяин. Он зашел в кабинет, где д'Антен показал ему различные карты и какие-то документы, которые вызвали у него несколько вопросов. Вот тут-то я и увидел тик, о котором уже упоминал. Я спросил Тессе, часто ли это случается. Тот ответил, что несколько раз в день, особенно если он забывает следить за собой».

Прошло шесть недель, визит в Париж приближался к концу. Царь еще раз наведлся в обсерваторию, взобрался на башню собора Нотр-Дам и сходил в больницу посмотреть, как оперируют катаракту. Верхом на коне он принимал на Елисейских полях парад двух полков отборной королевской гвардии, кавалерийского и мушкетерского, но было настолько жарко, пыльно и многолюдно, что даже Петр, любивший парады, едва взглянул на солдат и довольно скоро уехал.

Состоялась череда прощальных визитов. В пятницу 18 июня регент приехал пораньше в отель Ледигьер попрощаться с царем. Опять они беседовали с глазу на глаз в присутствии одного лишь Куракина. Царь в третий раз вернулся в Тюильри, чтобы откланяться Людовику XV. По настоянию Петра визит проходил неофициально. Сен-Симон снова был очарован: «Нельзя было проявить больше веселости, любезности и нежности к королю, чем это сделал царь при всех встречах, и на следующий день, когда король отправился в отель Ледигьер пожелать царю счастливого пути, все опять было исполнено очарования и изящества».

Со всех сторон визит царя во Францию провозглашали триумфальным. Сен-Симон, выдавший на троне самого Короля-Солнце, так описал впечатление, оставленное царем: «Это был монарх, внушавший восхищение своей безграничной любознательностью ко всему, что имело касательство к управлению, торговле, просвещению, полицейским мерам и проч. Его интересы охватывали каждую мелочь, годную к применению на практике, и он ничем не пренебрегал. Он явно умен; оценивая достоинства чего-либо, он показывал большую проницательность и самое живое понимание, во всех случаях проявляя обширные познания и живость мысли. В его характере существовало необыкновенное сочетание: он как великий монарх держался самым царственным, горделивым и непреклонным образом; но как только его превосходство признавалось, его поведение становилось бесконечно любезным и преисполнялось тонкой учтивости. Всегда и повсюду он был хозяином, но степень близости с собеседником зависела от его ранга. Его отличало дружелюбие, которое отдавало вольностью обхождения, но он не был свободен от сильного отпечатка прошлого своей страны. Так, манеры его были резки, даже грубы, желания непредсказуемы, он не терпел ни промедлений, ни возражений. За столом он вел себя неловко, а его приближенные и того хуже. Он твердо намеревался быть свободным и независимым во всем, что хотел сделать или увидеть...

Можно до бесконечности описывать этого поистине великого человека с его замечательным характером и редким разнообразием необыкновенных талантов, кои сделают

его монархом, достойным глубокого восхищения на бесчисленные годы, несмотря на большие пробелы в его собственном образовании и на недостаток культуры и цивилизованности в его стране. Такую репутацию он снискал повсюду во Франции, где его почитали истинным чудом».

Воскресным утром 20 июня Петр незаметно и без эскорта выехал из Парижа. Он отправился на восток и остановился в Реймсе, где посетил собор и осмотрел молитвенник, на котором веками приносили присягу короли Франции. К изумлению присутствующих католических священников, Петр сумел прочитать им таинственные письма, которыми написана эта книга. Язык был церковнославянский; по всей вероятности, молитвенник привезла во Францию в XI веке киевская княжна Анна Ярославна, вышедшая замуж за короля Людовика I и ставшая королевой Франции¹².

Хотя Петр оставил в Париже Шафирова, Долгорукого и Толстого для переговоров с французами, его визит не принес никаких дипломатических плодов, помимо малозначительного договора о дружбе. Регент заинтересовался предложением царя заключить русско-французский союз, но аббат Дюбуа по-прежнему упорно сопротивлялся этой идее. К этому времени противоречия между английским королем Георгом I и царем Петром слишком обострились, чтобы можно было заключить договоры с обоими, и Дюбуа выбрал Англию, а не Россию. Безднадеяность замысла Петра подтвердил впоследствии Тессе, открывший, что о ходе переговоров с русскими Дюбуа секретно информировал англичан. «Правительство, – признавал Тессе, – имело лишь намерение развлекать царя во время его визита, ни о чем определенном не договариваясь». Раз идея союза была отброшена, то и от женитьбы, которая должна была скрепить его, тоже отказались. Дочь Петра Елизавета осталась в России и двадцать лет правила империей, а Людовик XV впоследствии женился на дочери польского короля Станислава Лещинского, ставленника Карла XII.

Снова проезжая по сельской Франции, Петр, как и на пути в Париж, заметил, как бедны французские крестьяне. Сравнение между роскошью, которую он видел в столице, и тем, что наблюдал за ее пределами, удивило его, и он вслух высказывал сомнения, долго ли продержится эта государственная система.

* * *

Из Реймса Петр медленно поплыл вниз по реке Мёз, сначала в Намюр и Льеж, а потом на курорт в Спа. Этот район, ныне часть Бельгии, тогда был разделен между Голландией и империей Габсбургов, поэтому на его пути и голландские, и имперские власти в прибрежных городах наперебой старались оказать ему почести. Петр провел в Спа пять недель, пил там воды и лечился. Екатерина ждала его в Амстердаме, и в его письмах к ней звучали нетерпение и усталость: «Письмо твое от 11 дня сего месяца вчера я получил, в котором пишешь о болезни дочерей наших [у Анны и Елизаветы была оспа] и что первая, слава Богу, свободилась, а другая слегла, о чем и князь Александр Данилович пишет ко мне; но переменной штиль ваш так меня опечалил, о чем скажет вам доноситель сего, ибо весьма иным образом писана. Дай Боже, чтоб об Аннушке так слышать, как о Лизенке. А что пишешь ко мне, чтоб я скорая приехал, что вам зело скушно, тому я верю, только шлюсь на доносителя – каково и мне без вас, и могу сказать, что кроме тех дней, когда я был в Версалии и Марли, дней за 12, сколь великой плезир имел! А здесь принужден быть несколько дней и когда отопью воды, того же дня поеду, понеже только семь часов Сухова пути, а то все водою. Дай Боже в радости видеть вас, что от сердца желаю.

P.S. Сего утра я получил радостную ведомость, что Аннушки есть лехче, итак начал веселее воду пить».

¹² Для княжны из Киева, переживавшего тогда культурный расцвет, решение выйти замуж и уехать во Францию с ее менее развитой цивилизацией было довольно самоотверженным поступком. О разнице в культурном уровне этих стран можно судить хотя бы по тому, что Анна была грамотна и подписала свой брачный договор, в то время как Людовик I смог лишь нацарапать крестик.

Вскоре он написал опять: «Поздравляю вас сим торжественным днем русского воскресенья [годовщиной Полтавы], только сожалею, что розна празнуем, также и позавтрешней день святых опостол – старика твоего именины [самого Петра] и шишечкины [их сына, Петра Петровича]. Дай Боже скоряя нынешния дни прошли, дабы к вам скоряя быть. Вода, слава Богу, действуют хорошо, и я надеюсь в неделю от Петрова дни кур [с] окончать. Камзол твой сего дня обносил и пра ваше здоровье пил, только немного, для того, что запретительныя человеки.

P.S. [Выше следует подтверждение, что письмо и две бутылки водки получены.] А что пишете: для того мала послала, что при водах мала пьем, и то правда; всего более 5 [раз] в день не пью, а крепиша по одной или по две [порции], только не всегда: иное для того, что сие вино крепко, а иное для того, что его редко. Окончеваю, что зело скучно, что так близко, а не видимся. Дай Боже скоряя! При окончаньи сего пьем по одной про ваше здоровье».

В Спа царь позировал голландскому художнику Карлу де Мору, и эта работа наряду с той, что написал Годфри Неллер почти двадцатью годами раньше, стала любимым портретом самого Петра.

25 июля Петр пустился в восьмидневный лодочный переход вниз по реке Мёз (в Голландии именуемой Маасом) и наконец-то 2 августа воссоединился с Екатериной в Амстердаме. В Голландии он пробыл месяц, а 2 сентября навсегда покинул Амстердам и Голландию и отправился вверх по Рейну через Неймеген, Клеве и Везель, а оттуда в Берлин. По дороге он вырвался вперед и оставил Екатерину ехать следом. Они часто таким образом разлучались в дороге, потому что нелегко было найти достаточно лошадей для обеих свит, да и просто потому, что царице не нравилось мчаться так же быстро, как ее мужу.

Через два дня после прибытия Петра в Берлин Екатерина нагнала его. Это был ее первый визит в прусскую столицу, и если к Петру здесь уже привыкли, то его жена сделалась предметом повышенного любопытства. Но принимали Екатерину хорошо, в ее честь давали балы и обеды, так что они с Петром уехали в Россию в приподнятом настроении. К октябрю царь вернулся в Санкт-Петербург, и там его ждала личная и политическая трагедия, самая тяжелая за все его правление.